

Переменка

- это маленькая перемена к лучшему

Ежемесячная газета
школьного актива
выпуск №5

Читайте в номере:

**ЖИЗНЬ
КАК МАЛЕНЬКАЯ
ПОБЕДА НАД
БОЛЬШОЙ ВОЙНОЙ**

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ОБЗОР**

январь 2018

Жизнь как маленькая победа над большой войной

Спецвыпуск, который Вы держите в руках, целиком посвящен одной истории, точнее, истории одной большой жизни. Накануне празднования Дня снятия блокады города Ленинграда нам хотелось бы, чтобы эта история, во-первых, была услышана (прочитана), во-вторых, стала напоминанием о великой победе человеческого духа над смертью.

*Рассказ Ольги Афанасьевны Барболиной
есть свидетельство этой победы.*

Ольга Афанасьевна Барболина родилась 7 июля 1925 г. В годы войны работала медсестрой детской больницы на ул. Чайковского. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Г.А.: Здравствуйте, ... Мне очень хочется расспросить Вас о многом: о том, где Вас застала война, как Вы пережили её, о людях, с которыми свела война. Наверняка у Вас есть какая-то история. Я даже в этом уверен. И, наверное, Вы сами хотите рассказать что-то...

О.А.: Наверное, я могу только о своей работе рассказать. Я работала в войну. Будучи девочкой, я работала в больнице. Закончила 9 классов... и через сколько-то дней начинается война... Без специальности, безо всего... Папу на второй день призывали в армию, старшая сестра окончила авиационный техникум, и её направили в авиационный завод, но на второй день войны эвакуировали и его, на Выборгской стороне он был, ещё братик с нами жил четырнадцатилетний и мама. Мы остались. Мама наша была больна, у неё был катар желудка, как я потом поняла, когда медиком стала. Она нам готовила, но сама дома никогда не кушала из-за болезни, а всегда питалась в диетической столовой. Врач давал ей направление, и она там питалась. Конечно, до июля нормально было в магазинах: хлеб, песок, продукты – всё было. А после уже карточки ввели и ограничили. Мяса не стало в магазинах. А 8-го сентября Гитлер налетел на Бадаевские склады, которые были продовольственными, и 3 часа бомбил... Мы все видели это в первый раз. На улицы выскочили и взрослые, и дети. Испугались. Пламя такое было... 3 часа бомбили. И сразу после 8-го сентября у нас начался голод. Хуже всего было то, что у меня не было никакой специальности, я только закончила 9 классов. Квартира у нас была коммунальная. Я жила на Литейном. Там, где мёд продают, может, знаете. Наш двор был за-

мечательный, красивый. Топили тогда дровами, надо было покупать дрова. Это уже после войны немцы нам построили отопление. И вот слышит мама по радио объявление, телевизоров тогда не было, только радио. Слышит мама объявление про то, что, мол, кто без работы, приходите. Деньги у нас закончились, и нужно было идти работать. Я пошла. А кем меня возьмут...

Г.А.: Без специальности.

О.А.: Да, без специальности. Полы мыла. Наверное, около месяца и отработала. Потом мама услышала по радио объявление о том, что набирают на курсы медсестёр, и сказала: «Иди, будет у тебя специальность. Неизвестно, сколько война будет идти». Ну, я пошла на курсы. Оформилась. Главврач был в возрасте, все молодые ушли на фронт. Он стал спрашивать, кто с кем живёт. А тяжело тогда жилось. Это сейчас – свет, вода, а тогда ведь не у всех было. Конечно, он понимал, что мне работа нужна. Выслушал меня и сказал: «Олечка, приходите после курсов ко мне в больницу, я вас санитаркой возьму. И вы будете получать деньги. А пока учитесь». Отучилась, стала работать санитаркой, а потом стала медсестрой. Стала работать, да. Знаете, окна у нас были, как здесь, широкие... такая широкая бумага...

Г.А.: Заклеены?

О.А.: Да, чтобы стёкла не разбились. Все-все были заклеены. Вот я стала работать. Было мне тогда 16 лет. И ещё было четыре девочки со мной. Главврач всех нас взял к себе в больницу. Он был умный человек, смотрел наперёд... Мы всё делали за всех. Отдежуришь, бывало, сутки... Я, Михайлова тогда была, Оля Михайлова, Валя Сидорова, Валя

Белова, Лида Сидорова... четвёртую за-
была... С Литейного моста баржа под-
ходит с дровами. Идём разгружать бар-
жу. Больница была детская, только дети
лежали. Но, видимо, главврачу звонили,
если недалеко кто-то пострадал. И тогда
мы бежали с носилками по этому адре-
су, забирали больного, несли в больницу.

Г.А.: *А всё на руках? Никаких...*

О.А.: Никаких! Несём на носилках боль-
ного, друг другу говорим: «Сейчас и боль-
ного уроним, и сами упадём». А нужно
потом на 3-ий этаж его поднять, а вообще
больница четырёхэтажная. И вот отрабо-
тываю я смену, два дня. Конечно, мы по-
нимали: раз война, то нельзя уходить рань-
ше, надо спрашивать у главврача... Но это
я отклонилась от темы. Подходит, значит,
баржа с дровами. И мы, девочки, должны
её разгрузить. А там ведь ограда стоит ещё.

Г.А.: *И вам надо через неё перебрасывать?*

О.А.: Да. Голодные мы. Даже воды нет ни
грамма попить, негде её взять в это вре-
мя. Так устанем, так устанем! А я ещё
переживала... Хлеб давали только по 125
граммов... Дома у меня брат лежит, мама.
А я всё время в больнице. Я плачу, гово-
рю: «Николай Васильевич...» Царствие
ему небесное... Он ведь меня приучил к
труду. Бывает, на даче внучка что-нибудь
на грядке делает, и я с ней, устанет, го-
ворит дочке: «Мама, я устала». А я ей:
«Надо доделать до конца». Понимаете?
Дочка говорит: «Мама, ты с ума сошла?
Столько тебе лет?» А я ей говорю: «Да-
вай доделаем, тогда пойдём». И вот бар-
жа. Главврач нам скажет: «Разгрузим,
тогда домой». Пить хочется, а где взять?
Только в Фонтанке. Нам там потом лест-
ницу сделали, чтобы воду набирать, а
зимой - прорубь, все туда ходили. Кто с

чем. Это потом война нас научила вёдра
покупать, заготовки делать, а в войну у
нас этого не было в Ленинграде, только
трёхлитровый бидон, за молоком ходить.

Г.А.: *И с ним за водой?*

О.А.: Нет, я брала кастрюлю, привязы-
вала папин кожаный ремень и ходила с
этой кастрюлей. Но всё равно несколь-
ко раз приходилось бегать. Потому что я
не знала заранее, смогу я завтра с рабо-
ты прибежать домой или нет. Приноси-
ла воды. Поставлю на печку, печка у нас
была. Накипячу. Поставлю на стул, что-
бы поближе. Если был хлеб, хлеб положу.
И вот однажды на три дня... Да, на вто-
рой день после баржи пилим дрова. Опять
голодные. И оставили меня на три дня.
Я плачу, говорю: «Николай Васильевич,
если они умрут, у меня даже денег нет,
чтоб похоронить. Я даже не знаю, куда их
хоронить и как...» Он говорит: «Ну, лад-
но. Иди». А уже десятый час. Я с Чайков-
ского, это недалеко от Таврического сада,
бегу туда, где сейчас метро Чернышев-
ская, сюда - к Пестеля, на церковь, здесь по
Короленко бегу к булочной. Продавщица
кричит: «Очередь не занимайте! Послед-
ний хлеб кончается!» Бегу на угол Некра-
сова и Литейного, тут тоже булочная была.
И тут кричат. Бегу к другой булочной. И,
конечно, уже рыдаю, думаю: «Приду, а
если они умерли. Что я делать буду?»
Одна женщина стоит... Вы знаете, мы же
тогда молодые были, не знали, что такое
вера, не было у нас этого. Мама с папой,
наверное, верующие были, только строго
было, наверное, поэтому не показывали...
Стою и рыдаю. Вдруг женщина накло-
нилась ко мне (а я маленькая) и говорит:
- Девочка, ты что так плачешь?
- У меня мама лежит, братик ле-

жит, а я три дня дома не была, с работы меня не отпускали. Не знаю, живы они, нет. Вот хлеб хочу получить. Карточки тогда были ещё на крупу, но в магазине крупы тогда уже не было, был хлеб, соль да спички. Магазины все открыты были, но в них только соль и спички. Она спрашивает:

- А карточки у тебя есть на крупу?

- Есть, да круп-то никаких нет.

- Ты, наверное, здесь живёшь, раз на Литейном получаешь?

- Да, я живу на Литейном.

- А напротив - Некрасовский научно-исследовательский институт. Знаешь?

- Да, знаю, мы с подружкой ходили к вам в садик заниматься перед экзаменами, когда заканчивали классы. У вас садик маленький, там никого нет.

- Когда входили, помнишь – на левой стороне четыре ступеньки вверх?

- Помню.

- Вот это наша столовая. Вот сейчас я тебе дам пропуск. Без пропуска никто ничего не даст. И будешь получать супики. Только маме с братиком и себе сразу не наливай много, иначе вы умрёте. Я только смогла сказать:

- Тётька, спасибо Вам большое за помощь! У неё шуба была светло-серая, с такими чёрненькими штучками. Она говорит:

- Иди, иди.

И я хлеб как раз получила в этой булочной. Прибегаю домой. Мама, она взрослый человек, конечно, ей был 41 год, когда война началась, а брат-то, когда я только дверь раскрывала, он мне всегда:

- Оля, ку-уу-шать...

- Саша, нучтоя тебе дам, уменя женичегонет. А тут я прибежала, и у меня хлеб. Скорее затопила печку, поставила на

угли кастрюлю, вскипятила воду... Мне зять с дочкой всё время говорят, что я много солю всё. До сих пор солю и суп, и второе, хотя мне 90 лет в 15-ом году исполнилось.

- Мама, зачем так много соли? Всё же посолено.

- Ты не можешь понять. Мы привыкли. Когда одна вода и хлеб... Ну что там? 125 грамм. Как дать один хлеб? Я всегда его посыпала солью. Я понимала, что этого нельзя делать, но что делать. И вот мы пили подсолённую воду и ели этот кусочек хлеба, солью посыпанный. Ну ладно. Так вот. Я прибежала домой и радостно говорю братику:

- Саша, я хлеб получила! Потерпи, сейчас вскипячу водичку. Как вскипит, дам вам по кусочку хлеба и пойду супу вам принесу!

- А кто тебе дал?

- Тётя добрая нашлась! Дала мне пропуск. Вскипятила воду, дала им по кусочку хлеба. Они съели. Я схватила бидон. Бегу. Прибежала. Поднимаюсь по ступенькам. Вижу: окно. В окне - женщина. Я подхожу, она говорит:

- Девочка, тебе что?

- Мне супика.

- А у тебя пропуск есть? Без пропуска не дам.

Я ей подаю пропуск. Она улыбнулась, говорит:

- Да, она добрая женщина. С кем ты живёшь?

- С мамой и братиком, они лежат.

- Смотри, я тебе бидон налью, но сразу не ешьте. И приходи, я тебе дам три карточки, месяца на полтора хватит, и поднимешь их.

Я приходила даже, наверное, не полтора месяца, а два. И подняла маму и братика на ноги.

И вот зима. Очень холодная была зима в 41-42-ом. 42 градуса было. Многие у нас замерзали в комнатах, потому что топить то нечем. А у нас дрова были. Папа как чувствовал: в мае привёз дрова, уже расколотые. Так бы тоже никто не выжил.

Бедствовали. Люди жгли все свои подписные книги, мебель жгли - всё-всё-всё жгли. Иду зимой на работу по улице, навстречу высокий, до стенки дотронулся, полетел... умер. Или на санках везут, завернут покойник в одеяло и верёвочками...

В 42-ом году папу ранили. Он почему-то очень редко письма присылал. Может, такая часть была. И когда его ранили, он прислал открытку: «Кто жив придите ко мне».

В институт Герцена. Тогда же все институты были заняты. Кто пойдёт? Я. На ножках хорошо ходила. Пришла. Он спрашивает:

- Ну как живёте. А мама тогда ещё лежала, да.

- Мама с братом лежат. Ну вот. Некурящим тогда давали кусок хлеба во всю буханку. Он пока лежал (правой руки у него не было), всегда давал мне кусок хлеба. Тоже подкармливал. Но потом его всё равно забрали. Понимаете, человек с образованием. Но в 43-м году его уже демобилизовали, и он пошёл работать. Потом весна. Светло.

Я окончила 10-ый класс. Училась в вечер-

ней школе. И поступила в Медицинский педиатрический институт. Главврач перевёл меня в старшие медсёстры, поэтому я могла ходить в институт. Днём – в институте, вечером прибегаю. Бумаги надо разобрать, лекарства выписать на всех больных. И до восьми часов. Потом домой. И вот работаю вечером, заполняю карточки больных.

На улице светло, открою занавеску. А напротив нашей больницы стояла блокадная часть, которая всех эвакуировала. И вот один товарищ из этой части всё смотрит в бинокль на девочку в окне. Однажды он спрашивает у своих товарищей военных:

- Нет ли ни у кого знакомых в больнице?

- У меня жена работает, - отвечает один солдат. И вот жена того солдата приходит ко мне и говорит: «Оля, один молодой человек всё время за тобой смотрит в бинокль, хочет познакомиться».

- Лена, какое знакомство, мне не до знакомств.

- Он моему мужу не даёт покоя. Муж ему сказал, что я здесь работаю, и он у него теперь всё спрашивает. Видимо, он узнал, когда я работаю, потому что вышла из парадной, а у дверей уж стоял военный. Так познакомился со мной. Стал провожать меня до Литейного. Проводит и

ней школе. И поступила в Медицинский педиатрический институт. Главврач перевёл меня в старшие медсёстры, поэтому я могла ходить в институт. Днём – в институте, вечером прибегаю. Бумаги надо разобрать, лекарства выписать на всех больных. И до восьми часов. Потом домой. И вот работаю вечером, заполняю карточки больных.

На улице светло, открою занавеску. А напротив нашей больницы стояла блокадная часть, которая всех эвакуировала. И вот один товарищ из этой части всё смотрит в бинокль на девочку в окне. Однажды он спрашивает у своих товарищей военных:

- Нет ли ни у кого знакомых в больнице?

- У меня жена работает, - отвечает один солдат. И вот жена того солдата приходит ко мне и говорит: «Оля, один молодой человек всё время за тобой смотрит в бинокль, хочет познакомиться».

- Лена, какое знакомство, мне не до знакомств.

- Он моему мужу не даёт покоя. Муж ему сказал, что я здесь работаю, и он у него теперь всё спрашивает. Видимо, он узнал, когда я работаю, потому что вышла из парадной, а у дверей уж стоял военный. Так познакомился со мной. Стал провожать меня до Литейного. Проводит и

Я окончила 10-ый класс. Училась в вечер-

ней школе. И поступила в Медицинский педиатрический институт. Главврач перевёл меня в старшие медсёстры, поэтому я могла ходить в институт. Днём – в институте, вечером прибегаю. Бумаги надо разобрать, лекарства выписать на всех больных. И до восьми часов. Потом домой. И вот работаю вечером, заполняю карточки больных.

На улице светло, открою занавеску. А напротив нашей больницы стояла блокадная часть, которая всех эвакуировала. И вот один товарищ из этой части всё смотрит в бинокль на девочку в окне. Однажды он спрашивает у своих товарищей военных:

- Нет ли ни у кого знакомых в больнице?

- У меня жена работает, - отвечает один солдат. И вот жена того солдата приходит ко мне и говорит: «Оля, один молодой человек всё время за тобой смотрит в бинокль, хочет познакомиться».

- Лена, какое знакомство, мне не до знакомств.

- Он моему мужу не даёт покоя. Муж ему сказал, что я здесь работаю, и он у него теперь всё спрашивает. Видимо, он узнал, когда я работаю, потому что вышла из парадной, а у дверей уж стоял военный. Так познакомился со мной. Стал провожать меня до Литейного. Проводит и

Я окончила 10-ый класс. Училась в вечер-

ней школе. И поступила в Медицинский педиатрический институт. Главврач перевёл меня в старшие медсёстры, поэтому я могла ходить в институт. Днём – в институте, вечером прибегаю. Бумаги надо разобрать, лекарства выписать на всех больных. И до восьми часов. Потом домой. И вот работаю вечером, заполняю карточки больных.

На улице светло, открою занавеску. А напротив нашей больницы стояла блокадная часть, которая всех эвакуировала. И вот один товарищ из этой части всё смотрит в бинокль на девочку в окне. Однажды он спрашивает у своих товарищей военных:

- Нет ли ни у кого знакомых в больнице?

- У меня жена работает, - отвечает один солдат. И вот жена того солдата приходит ко мне и говорит: «Оля, один молодой человек всё время за тобой смотрит в бинокль, хочет познакомиться».

уйдёт. И так оно было года два, наверное. Когда в первый раз прорвали блокаду, тогда у нас два театра работали: Музкомедии и Александровский. Он стал билеты брать в театр. Мама всё меня предостерегала: «Смотри, Оля, не позволяй, война идёт». А он был хороший молодой человек. Да и я всегда подружку с собой брала, Валю Белову. И вот в театре продавали мороженое,

круглое, очень много оно стоило, 70 копеек, а до войны стоило 5-10 копеек. Провожаем мы Валю, потом он меня провожает до дома и говорит: «Дурочка вы, Оля. Я бы вам купил два мороженых, а так я должен вам одно купить. Я ничего вам не сделаю, не думайте». А я такая бесхитростная была. Такая и осталась на всю жизнь. Я говорю: - Да, мама боится, что вы меня используете и бросите, война ведь. - У нас половина части – женщины. Так что скажи маме, что я тебя не трону. Я вижу, что ты наивная девочка. Да, он два года за мной ухаживал. И, оказывается, он в этой части сидел на секретной работе. Расшифровками занимался. Когда поженились, он мне сказал: «Ничего не спрашивай. Я никогда тебе не скажу, где я работаю. Я работаю на секретной работе». В 44-ом году он уже знал, что война заканчивается, и в ноябре пришёл ко мне домой.

Как узнал адрес? Мама уже на ногах, работает, и братик тоже. Мама идёт открывать дверь, потом заходит ко мне и говорит: - Иди, к тебе молодой человек. - Мама, у меня нет никакого молодого человека. Только в театр приглашает и провожает домой. Я вхожу, а он сидит. Папа - на этой стороне, он – на этой. Я к нему обращаюсь: - Как вы нашли мой адрес? А он смеётся и отвечает: - Я в парадную вошел, там бабульку встретил, сказал ей, что здесь мои родственники живут. Что переехали. Фамилию и имя я знаю. И она дала мне ваш адрес. Оказывается, он пришёл делать мне предложение. И с папой уже переговорил. Я тогда на 3-ем курсе училась. Папа говорит маме: «Ну, садись, мама, рядом. Вместе будем решать». - Я знаю, очень много погибло молодых людей, - говорит папа. – Можешь остаться и одна, смотри. Если любите друг друга, выходи замуж, я протестовать не буду. - И я не буду, - говорит мама. – Он хороший молодой человек, раз два года ухаживал. И 8-го ноября мы сходили в ЗАГС на Литейном, там, где на Чайковскую поворот. Зарегистрировались. Помню, 3 рубля он отдал за это удостоверение. Папа тогда сказал: «Не обижайся, дочка, институт ты бросишь. Он военный, будете ездить». И уже в январе 44-го года его отправили...

Г.А.:

45-го.

О.А.: Да, в январе 45-го отправили в Балтийск. Тогда он назывался Пиллау. Потому что там флот, штаб флота, тыл, и его сразу туда отправили. Конечно, он меня тут не оставил. И я бросила институт. В Балтийске один маленький госпиталь, девочки в нём работают, а мне работать негде. Он

опять знал наперёд. И говорит: «Не беспокойся. Скоро приедет представитель из Москвы, который будет преподавать машинопись. Получишь специальность машинистки и будешь работать». Так и случилось. Потом перевели в Калининград. Здесь я уже работу находила свободно. И в Калининграде мы пробыли до 47-го года, до назначения в Ригу. Там какой-то институт был, т.е. училище военноморское, да. Когда мы туда приехали, к нам очень плохо относились, очень. Теперь и Литва стала плохо относиться... Я забеременела. А у меня были выкидыши. Муж вызывает скорую, а у меня выкидыш. Из скорой сообщили как-то в полицию: «Вот эта женщина очень часто делает аборты». Я сижу плачу. Вдруг вечером приходит милиционер и говорит: «Одевайтесь».

- Что такое? – спрашивает муж.
- Она всё время делает аборты.
- Как вам не стыдно? Она блокадница. Она вся подорванная. Вот когда у неё организм восстановится, тогда она мне родит. А так у неё всё время выкидыши.

- Хорошо. Нозавтрамыпойдёмк гинекологу. Гинеколог написала большую петицию и тоже сказала: «Как вам не стыдно? Девочка с 16 лет работает на всяких работах. Она надорвавшаяся. Пока не восстановится организм, она всё время будет выкидывать». Когда мы переехали в Ригу, мужу написала мама, чтобы он её забрал, потому что она была уже пожилая. Муж её забрал. Нам дали комнатку, где мы жили втроём. На другой стороне тоже жил военный. Видимо, и он работал на какой-то секретной работе. Я даже никогда его и не видела. Двое детей, двойняшки: Ала и Вадик. И мама. И я наблюдала за ней, жизнь-то заставит на-

блюдать и учиться. Наблюдала, что четыре недели она моет кухню и вход, где ванная. От ванной до кухни был линолеум, а тут ничего, только белые доски. Я смотрю, она песком посыпает, какой-то веник положит. Муж придёт вечером, я ему говорю:

- Как Ольга Васильева моет? Я же так не умею.
- Научишься, у неё спроси, она простая. И я стала этот пол мыть. У меня уже была беременность, шесть с половиной месяцев. Мыла кухню. Почти домыла, как опять... Извините, что я вам это рассказываю, это моя боль. У меня пошли воды. Я кричу:
- Ольга Васильева! Ольга Васильевна!
- Воды отошли, сейчас скорую вызову. Она вызвала скорую, и меня забрали в больницу. Плохо и в больнице относились. У меня роды начинаются. Кричу, а ко мне никто не подходит. И я кричала, кричала и потеряла все силы. Утром врачи пришли. А положили меня на стол, когда привезли, всю ночь я на нём и пролежала. И только смогла им сказать:
- Не могу, у меня нет сил тужиться. Хорошо, они как-то аккуратно живот давили мне и ребёнка не повредили. Я родила ребёнка весом 1,9 кг. И с первого дня ребёнка забрали и не приносили кормить. Месяц продержали в больнице. В палате нас было 18 человек. Рядом лежала одна мама-латышка. И вот она, плохо говоря по-русски, шепчет мне: «Оля, проси мужа, раз он у тебя военный, чтобы забрал тебя домой под расписку. Дома ты поднимешь ребёнка. А здесь он умрёт». И я стала писать мужу, а он мне отвечал: «Ты с ума сошла? Такой маленький ребёнок». Я ему возражала: «Ты за-

был, что я медсестрой работала? Я её выхожу». Он меня забрал под расписку. До выписки мне не показывали ребёнка. Ни разу не подвели посмотреть. И вот, когда муж настоял, подошёл к нам главврач и сказал: «Мы не хотели вас расстраивать, а теперь придётся сказать. Там нечему жить. Вы 1900 родили, а сейчас 1400 ваш ребёнок. Плохо ест и всё время мычит». А у ребёнка что-то болело, только они не обращали внимания ни на что. Я пришла домой, а ребёнок всё время: «Мм, мм». Стонет. Измерю температуру: 38,7 днём, 38,7 вечером. Не знаю, что такое. Скелетик, обтянутый кожей. Дом у нас был двухэтажный, деревянный. Наверху жила женщина. Она в 17-м году, когда царская разруха началась, уехала с мужем в Ригу. Он латыш, а она русская, Александра Ивановна. Как она мне помогала, царствие ей небесное. И дети её помогали. А врачи ко мне за два месяца ни разу не пришли. Муж договорился в части, тогда я свозила, но там взрослый врач, а не педиатр, он сказал, что не знает, почему ребёнок стонет. И вот Александра Ивановна сказала мне давать ребёнку молоко, а потом и манную кашу. Я ей говорю:

- Александра Ивановна, разве можно. Это же нельзя, я медсестрой была, знаю.

- Оля, слушай меня, я жизнь прожила, мне уже 65 лет. И я потихоньку стала кормить. Но ребёночек всё равно стонет и стонет. Я уже два месяца не сплю, ношу ночью её, мне её жалко, а она: «Мм-мм». Видимо, за два месяца без сна я ослабела, и она полетела... Когда она полетела, я заорала не своим голосом и вот так (показывает) от пола её вытащила. Соседка вскочила в ночной рубашке, подбежала:

- Оля, Олечка, что случилось?

- Ой, Ольга Васильевна, ребёнка чуть не угробила, схватила перед самым полом. Муж тоже проснулся. Она тогда подходит к нему и говорит:

- Как вам не стыдно? Жена уже два месяца не знает, что такое ночь. И вы не можете её подменить. Тем более у вас мама здоровая. Он ей ничего не сказал. Она забрала ребёнка к себе, а мне сказала: «Ляг! Хоть два часа поспи». Утром Александра Ивановна всегда спускалась на первый этаж. Ольга Васильевна ей тут же рассказала, что случилось.

- А я слышала, только не разобрала, кто кричал, - ответила Александра Ивановна. - Знаете, Олечка, у нас на окраине Риги есть бабуля. Она очень лечит всех. Но русских не любит. Поедем со мной. Только ты следи за мной, за моей мимикой. Я улыбнусь, и ты улыбайся. Иначе, если она заметит, что ты русская, она не будет ребёнку ничего делать. Но очень сильная, очень сильная старуха. Приезжаем к ней. Она просит положить ребёнка. Положили. Она посмотрела ребёнка: и животик, и всё. И вдруг на уши нажимает и говорит:

- А к врачу-то вы ходили с ребёнком?

- Да никто не заходит из врачей.

- У ребёнка ушки больные. Что-то пошептала, положила ватки в ушки, две шапочки байковые наде- ла. Александра Ивановна спрашивает: «Бабуленька, когда ждать результата?» А надо сказать, что с питанием там тоже было плохо. Но муж военный, поэтому нам давали и на членов семьи питание. И я взяла, что у меня было: крупы, песок, масло растительное. Она так была рада, старушка. Мы ей всё и оставили. Александра Ивановна сказала, что я её невестка.

- Бабуленька, когда ждать результата?
- В субботу будет результат, - ответила старушка, - в субботу измеряйте температуру. А эти ватки оставьте, пусть, они будут действовать. Но свекровь потом их куда-то дела, выбросила, наверное, не знаю. И к маю у моего ребёнка уже был нормальный вес. А родила я 24-го января. Мне говорят:
- Оля, пойдём в консультацию, покажи своего ребёнка.
- Ой, я боюсь.
- А что ты боишься, мы же идём. Мы свидетели, что мы тебе помогали ребёнка поднимать. Мы пошли. Из консультации позвонили в роддом главврачу:
- Придите, посмотрите на девочку, про которую вы говорили, что умрёт. Полтора килограмма вы ей отдали. Придите. Они пришли.
- Не может быть! Она украла этого ребёнка.
- Мы её соседки. Мы ей помогали ребёнка поднимать, - вступились за меня соседки. - Вот вам, пожалуйста, результат. Потом мужа опять перевели в Калининград. И мы уже вчетвером переехали. Вдруг контрадмирал собирает всех офицеров и говорит: «Т.к. в Москве и в Ленинграде жильё никогда не дают военным, поднимите руки, кто в Ленинграде имеет жильё. Мне срочно нужно туда отправить офицера». И муж поднимает руку.
- Вот, Фёдор Фёдорович, всё время мы с вами рука об руку работали, а я не знал, что у вас в Ленинграде есть жильё.
- Да, есть, - говорит муж. И в течение 24-х часов мы оказались в Ленинграде.

Как у нас оказалось жильё? Когда война закончилась, Рыбацкое ещё не относилось к Ленинграду, это был пригород. Но автобус от Рыбацкого прямо до середины Не-

вского доедет за 30 минут. И вот поля стали отдавать под застройку. Папа узнаёт на работе про это дело и пишет нам письмо: «Оля и Федя, сколько вы будете кататься по всей России? Война давно кончилась. В Рыбацком дают участки. На одну зарплату живите, а другую присылайте мне, и я вам буду строить дом. Все родственники у нас в Ленинграде живут, одной дочки здесь нет, которая мне подняла жену и сына». И мы согласились, стали высылать деньги. К 51-ому году дом уже был готов. «...А внутри уже будете сами отделывать по своему вкусу», - написал отец. С этого же года Рыбацкое стали относить к городу. А в 52-ом я родила вторую дочку.

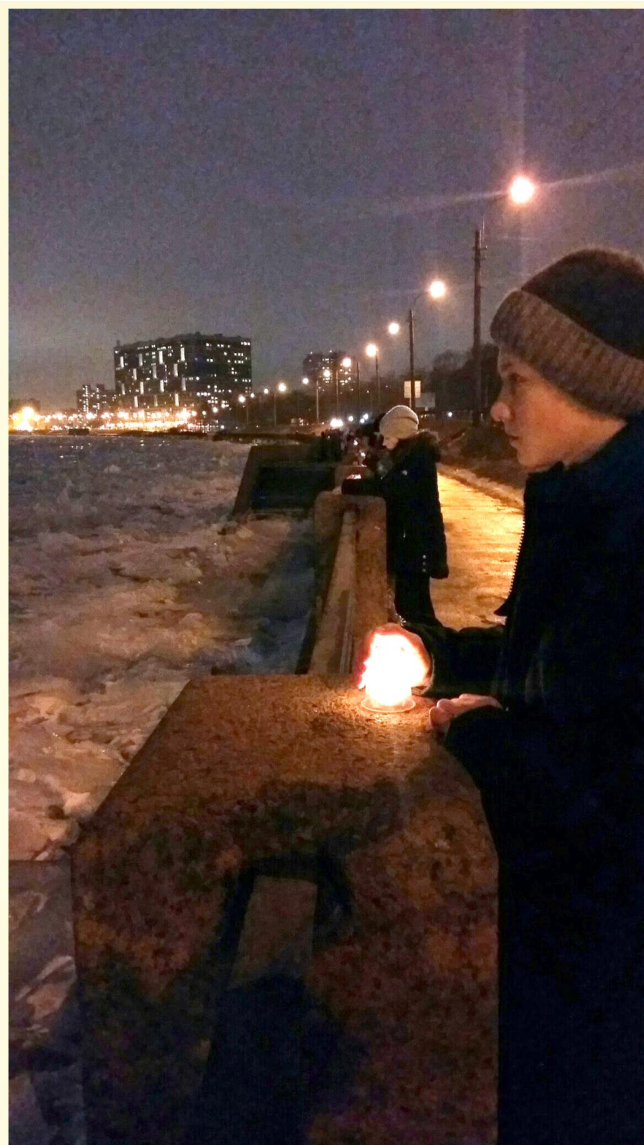
Беседовал Гаврилов Г.А.

Акция «Свеча памяти»

Все знают, что 27 января — особая дата в истории нашей страны. Это день, когда спустя девятьсот долгих дней и ночей, был полностью освобожден город-герой Ленинград от фашистской Блокады. Каждый год, накануне этого знаменательного дня, проходит акция «Свеча памяти». Любой желающий может зажечь свечу, дабы отдать честь тем, кто так упорно защищал наш город в самые трудные времена. Тем, благодаря кому мы сейчас живём спокойно. На площади перед Аничковым дворцом были расставлены свечи, во всем Дворце погас свет, на стене одного из корпусов появились кадры военной хроники. Литературно-музыкальная композиция со стихами о блокаде, история от лица ребенка и бабушки о новогодней ёлке, счастливые известия о прорыве и снятии блокады — все это до глубины души пронзило каждого стоящего на площади. А окна здания стали экранами, на которые спроецировали видеоролик из коллекционных блокадных открыток и плакатов. В ходе акции развернулась театрализованная постановка, после которой состоялось зажжение свечей. Затем участники отправились к мемо-

риалу «Блокадная полынья» на Фонтанке, откуда в годы осады ленинградцы брали воду. Там состоялось возложение еловых венков и минута молчания. Активистам 7 «М» класса нашей школы удалось поучаствовать в этой акции. Свои свечки они зажигали на Володарском мосту по указанному времени.

Андрюхина О.А.

Концерт в память о блокаде Ленинграда

В 75-ю годовщину прорыва блокады Ленинграда в ГБОУ школе № 574 прошел традиционный концерт в память о блокаде. 27 января 1944 года Ленинград салютовал в честь полной ликвидации вражеской блокады и разгрома немцев под Ленинградом! Так, в 1944 году измученные ленинградцы праздновали долгожданный день полного снятия блокады, продлившейся 882 дня, это 2 года и 5 месяцев. Это было беспримерное счастье для тех, кто дожил до этого дня. Сегодня мы вспомним те страшные годы, когда блокадное кольцо еще окружало город, когда победный салют был еще так далек, когда каждый день мог стать последним в жизни. Однажды в старом выпуске журнала «Огонек» была опубликована интересная статья. В ней автор рассказывает, как в 1942 году в их дом на углу улицы Гоголя и Кирпичного переулка попала бомба. Сейчас на месте этого дома находится станция метро Адмиралтейская. «Страшный взрыв сопровождался грохотом падающих перекрытий, огромные тучи пыли и песка заволокли все пространство. «Что пережила мама, закрывая собою детскую коляску, где лежал я, представить невозможно. Нас извлекли из-под обломков и помогли выбраться на свободу совершенно незнакомые люди. Этот момент моя мама никогда не могла вспомнить без слез. Люди, спасшие нас от гибели, встречали нас с огромным облегчением и совершенно искренне радовались, что мы живы. Так уж, видно, суждено свыше – русских людей сплачивает общее горе. Общая беда, когда всем одинаково трудно».

За период блокады в Ленинграде по официальным данным умерло около шести сот сорока двух тысяч человек. По другим оценкам – более восьмисот пятидесяти тысяч. Только 3 процента их них погибли от бомбежек и артобстрелов, остальные 98 процентов умерли от голода. Из Ленинграда с начала войны эвакуировано около миллиона восьмисот тысяч человек. После снятия блокады в городе осталось пятьсот шестьдесят тысяч жителей, в 5 раз меньше, чем в начале войны.

